

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, is muscular with a beard, wearing a black t-shirt and jeans, with his hands behind his head. The woman, on the right, is smiling, wearing a strapless pink dress, with her arms crossed. The background is a city skyline at night with blue and purple decorative swirls.

Оксана
Алексеева

ЗЛОБНЫЙ БОСС,
ПИДЖАК
И
ЛАНЕЧКА

Оксана Алексеева

Злобный босс, пиджак и Танечка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46577700

Злобный босс, пиджак и Танечка:

Аннотация

Всего один раз в жизни я поддалась порыву страсти с первым встречным! Но романтика закончилась так же быстро, как и началась: оказалось, что парень посчитал меня проституткой. И забыть бы эту позорную историю, да вот только устраиваясь на работу, я узнала босса... который меня даже не вспомнил! Еще и принял с откровенным пренебрежением. Моя ненависть против его ненависти – посмотрим, кто продержится дольше.

Содержание

Глава 1. Таня	4
Глава 2. Андрей	14
Глава 3. Таня	24
Глава 4. Андрей	35
Глава 5. Таня	43
Глава 6. Андрей	58
Глава 7. Таня	69
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Оксана Алексеева

Злобный босс, пиджак и Танечка

Глава 1. Таня

Злобный босс был воистину злобным. В том самом, библейском, смысле – когда вся аура полыхает адским огнем, а воображение запросто дорисовывает рога и копыта в дополнение к общему впечатлению. И с каждым его словом в помещении становилось все жарче.

– Отец, я не собираюсь брать на работу твою протеже! Тебе ли не знать, что это одна из самых важных должностей в компании? И уж точно я не рискну брать девицу без опыта и нужных навыков!

К счастью, на меня он не смотрел, только мазнул взглядом на входе и тут же увлекся спором с отцом. Вообще как будто не видел. А может, и не видел, раз не стеснялся снабжать меня эпитетами. И я радовалась этой удаче – если бы глянул, то я сразу бы и провалилась сквозь пол, не постеснялась бы пробить Землю насквозь и очутиться в другом, любом другом месте. Потому что я его сразу узнала. Узнала, обмерла, одеревенела, местами покраснела, местами по-

бледнела, и внимательно слушала его речь, втайне надеясь, что он сможет докричаться до Владимира Александровича за нас обоих.

Но основатель и бывший директор компании был непреклонен:

– Нет, Андрей. В данном случае я настаиваю. Или мое слово в этих стенах уже ничего не значит, раз я на пенсии?

– Так и возьми ее себе в ассистентки!

– Зачем? – пожал плечами старик. – Страницы утренней газеты переворачивать? Георгий Константинович, отец Танечки, не просто был моим секретарем – он был моими руками и ногами. Другом и самой верной поддержкой. Я и вспомнить не смогу все случаи, когда он меня выручал из бед, сколько ночей мы просидели рядом за работой, сколько конфликтов ему удалось уладить, пока я только вставал на ноги! И фирма, которую ты наследуешь, в нынешнем состоянии находится отчасти благодаря и ему. Нет, сын, честь обязывает меня помочь этому человеку, потому я даже не настаиваю – приказываю. Если ты, конечно, все еще хочешь быть гендиректором.

Серые глаза молодого человека сузились до узких щелочек, и я точно разглядела две красные молнии, полыхнувшие из них.

– Хочу?! А у тебя есть другие дети? Ну, так давай, пусть кто-нибудь из них уже займет эту должность!

– Других нет, – его отец развел руками. – Но ультимату-

мы я тебе ставить не позволю. Все, Андрей, дело решено. Ты берешь Татьяну на полгода, потом разойдетесь, если не срабатаетесь. Зато у нее в трудовой книжке появится тот самый упомянутый тобой опыт работы.

Тот резко выдохнул:

– Так может, Георгия Константиновича и взять? Ее отец хотя бы ценный сотрудник! Я лучше закрою глаза на его возраст, но получу профессионала!

– Нет, сынок, жизнь, как видишь, на месте не стоит, – мужчина сильнее оперся на край стола, намекая на свою немощность. Хотя и теперь немощным он выглядел в последнюю очередь. – Надеюсь, мы договорились.

– Нет!

– Договорились. Танечка, за мной.

Я поспешила за стариком из кабинета и была только рада вырваться на свежий воздух. Владимир Александрович объяснял на ходу:

– Выходишь завтра. И ты уж постарайся, сделай милость. Я не стану извиняться за то, что ты была вынуждена все это выслушать – ничего страшного, переживешь. И у идеального секретаря должны быть крепкие нервы. Так что считай первым уроком.

Я не смогла ничего ответить. Ситуация складывалась катастрофически неприятной. Да, мой отец всю жизнь проработал на Владимира Александровича. Сейчас, получая приличную пенсию, часто вспоминал о своей насыщенной

жизни. Здоровье его было подорвано смертью моей мамы несколько лет назад, тогда отец и решил уйти на заслуженный отдых, чтобы уделить максимальное внимание детям. Мои старшие брат и сестра после института отправились в Москву, чтобы там попытаться счастья с карьерой и не сидеть на шее отца. Я же, получив образование, обнаружила то же, что прежде меня они, – в небольшом городе никто из работодателей с распростертыми объятиями зеленых выпускников вузов не ждет. Но не последовала примеру старших, а осталась. Ведь кому-то нужно приглядывать за отцом.

И вот они случайно встретились – бывший начальник и его верный секретарь. Владимир Александрович ничего слушать не хотел, потащил нас с отцом в кофейню, чтобы узнать все подробности жизни. Их связывало намного больше, чем годы совместной работы, – прочное взаимопонимание и многолетняя дружба. И Владимир Александрович, едва услышав о моих поисках работы, тут же сообщил, что вопрос решен. В этом есть даже некая судьбоносная ирония: теперь его сын управляет компанией, так почему бы дочери его надежного помощника тоже не передать по наследству должность? Я была смущена предложением, но все же согласилась. В этом случае и отцу будет проще. У самого него глаза заметно загорелись, что неудивительно. Он часто вспоминал свою работу и, наверное, пришел в восторг от того, что я могу пойти тем же путем.

Когда вдвоем возвращались домой, я сказала отцу:

– Мне как-то неловко устраиваться по такой протекции.

– Глупости, – улыбнулся папа. – Танюш, ты характером в меня пошла – такая же ответственная перфекционистка, но без грамма амбициозности. И уж я-то точно могу сказать, что за всю жизнь ни разу не чувствовал себя на работе ненужным, ни разу не беспокоился о завтрашнем дне – какие бы кризисы ни случались вокруг, я всегда был уверен в своем месте. Ни разу я не сталкивался с неуважительным отношением или хамством. Поверь, таким похвастаться могут немногие. Если Андрей похож на своего отца так же, как ты на меня, то вы непременно сработаетесь! Прояви себя – и он станет тебе даже не начальником, а человеком, который от тебя зависит.

– А если он не похож?

– Тогда через полгода у тебя будет прекрасная запись в трудовой, с которой ты сможешь пойти в другие компании. И, давай уж начистоту, у меня камень с души свалился. Всех детей поднял, все пристроены – наконец-то смогу и собой заняться.

– Это ты о чем?

– О личной жизни, Танюша! Я не так уж и стар, чтобы ставить на себе крест!

Я от изумления даже рассмеяться не смогла:

– Намекаешь, что именно я тебе личную жизнь строить не даю?

– А кто же? – с усмешкой ответил папа. – Сегодня же по-

смотрим объявления об аренде квартир. Пора нам уже с тобой разъезжаться и приходить друг к другу в гости. В свободное от личной жизни время.

Я лишь глазами хлопала. Ведь еще думала, что жертву приносила – оставалась с престарелым отцом! А оно вон как выглядит с его стороны?

И я воодушевилась. Действительно, просто постараюсь сделать все возможное – сама о себе узнаю, подходит ли мне такая работа! Да и в отдельной квартире жить все же хотелось. Мне двадцать два, самое время вылетать из-под родительского крыла.

Да вот только встреча с Андреем Владимировичем прошла совсем не так, как я предполагала. Он был недоволен – но это ничто по сравнению с остальным: я его узнала! Вот прямо в первую же секунду, как зашла в кабинет. Узнала и не могла поверить в подобное совпадение.

Дело было в тот день, когда мы с группой обмывали дипломы в ночном клубе. А я за годы студенчества к настолько пьяному веселью привыкнуть как-то не успела. И в шумной компании не заметила, где осталась та самая граница. В общем, я и стянула с нашей Анжелики белый парик-каре, и на барной стойке успела отметиться под какую-то польку, раз уж выглядела теперь сама на себя не похожей, и к шесту пыталась прорваться, а потом запила все это еще парой коктейлей. Вот тогда и подошел он. Поставил руки на стойку по обе стороны от меня, не обращая внимания на синхронный

вздох одноклассниц, и шепнул мне в макушку:

– Потанцуем?

Я развернулась на высоком стуле и... и согласилась на все, что он уже предложил или собирался предложить. Таких парней вблизи и в такой кондиции опьянения мне раньше видеть не доводилось. Какой-то совершенно, абсолютно потрясающий – красивое лицо, глаза с прищуром, темные волосы и даже стиль. Я вообще не считаю, что мужчину каким-то образом можно оценивать по одежде – это как-то противостоит природе. Но в тот момент меня потрясло в нем все – даже расстегнутый недельной пиджак поверх черной футболки.

И через пять минут я забылась окончательно – от его взгляда, от прикосновений. Целоваться мы начали до того, как назвали друг другу имена. В свое оправдание хочу сказать, что подобного раньше со мной не случилось – ну, чтобы я так сразу отдалась порыву. Но в тот вечер меня просто понесло. Потому что он был пьян и сходил с ума. Потому что я была пьяна и тащилась оттого, как он сходит с ума.

Потянул меня к выходу – я и не думала сопротивляться. Один раз живу! И тогда даже не предполагала какое-то продолжение отношений. И никак не могла вспомнить его имя, выкрикнутое еще на танцполе. В такси мои руки уже вытаскивали его футболку из джинсов, так хотелось провести пальцами по животу. А он смеялся и повторял, что в его пиджаке я смотрюсь невыносимо горячей.

Небольшая заминка в прихожей какой-то шикарной квар-

тиры: он стаскивает с меня свой же пиджак, откидывает на пол, тянет вверх подол платья. А я задыхаюсь от поцелуев в шею и от того, как сам он задыхается. Мы начали прямо в прихожей, даже толком не раздевшись. Я стонала от каждого толчка внутри и обвивала его ногами, пока он сильными руками удерживал меня. Продолжили уже на чем-то мягком и удобном. Хмель еще не выветрился, и, возможно, только благодаря своему состоянию я отпустила себя на волю и испытала первый в жизни оргазм. Это был самый впечатляющий вечер в моей жизни, но...

Уже через пять минут он, лежа на спине с закрытыми глазами, вдруг сообщил:

– Слушай, ну это просто потрясающе. Деньги на тумбе. Дверь захлопни.

И марево сразу спало, я протрезвела за две секунды. Он принял меня за проститутку? Неужели был настолько пьян, что не смог отличить приличную девушку от шлюхи? Или дело в моих танцах на стойке? Или в том, как я сама к нему льнула и пыталась раздеть уже в такси? Или в этом чертовом белом парике – просто символе фальшивости. Нет, я сразу не рассчитывала на любовь на всю жизнь – даже в том пьяном тумане никаких планов не строила, да и нечем их было строить. И, наверное, была готова к чему угодно, но только не к такому...

Деньги я, конечно, не взяла. Но подхватила пиджак с пола и накинула на плечи. Ночь прохладная, почему я еще и

мерзнуть должна после такого морального потрясения? Уже на улице нырнула в карман и вытащила оттуда кредитку и водительское удостоверение. Не раздумывая, просто выбросила их в первую мусорку. Такая маленькая месть, хоть чем-то успокаивающая душу.

Отзвонилась подругам, которые были свидетелями начала моего страстного и короткого романа, соврала, что просто обменялась с «красавчиком» телефонами и поехала домой, поскольку веселиться уже не могла. Лена выдала разочарованный стон, но я повторила легенду еще более уверенно. Произошедшее было настолько стыдным, что я не собиралась никого в это посвящать. Самое противное было то, что он мне понравился! Не просто стал первым попавшимся в период полностью неосмысленных действий, а понравился. Потряс чем-то, хотя мы даже несколькими фразами не перекинулись. И хоть я не принимала никаких решений, просто отдалась страсти, но теперь было крайне неприятно все это осмысливать. Повторяла себе, что еще повезло – мой незнакомец додумался воспользоваться презервативом. Но утешение как-то не особенно помогало.

Со временем история эта в памяти немного стерлась – я приложила к тому немыслимые усилия. Помогало и то, что никто не был в курсе, а значит, не напоминал. Только дизайнерский пиджак в пакете в дальнем углу шкафа. Но я не собиралась его выкидывать – пусть всегда будет мне напоминанием о вреде спиртосодержащей продукции.

И вдруг я вижу его... кричащего о том, что ему протеже отца на работе без надобности. Вижу, слышу и офонареваю. И думаю только о том, что тот самый белый парик, вероятно, сейчас спас меня от позора. Хотя, быть может, такие мужчины вообще своих одноразовых девиц запоминать не приучены, но если бы он меня узнал, то я точно кинулась бы в окно от стыда.

Итак, я получила работу. Мой начальник против такого решения, но ничего не может сделать. Я против такого решения, но не придумывается ни одной достойной причины для отказа. Как минимум, полгода нам придется работать вместе и выносить присутствие друг друга. Он, кажется, со второго взгляда меня возненавидел. Но моему милому боссу не представить, как сильно я ненавижу его.

Глава 2. Андрей

Достало все до чертиков. Seriously. Никто, вообще-то, отца с поста не выгонял, он сам решил внезапно устать. А почему бы и нет, раз я тут такой здоровский уродился? Да я и не был против – всегда знал, что это и есть мое будущее. Наследники крупных компаний не выбирают между геологией и изящными искусствами. Транспортный бизнес, в принципе, занимательное времяпрепровождение, получше многих других. Прибыльный, перспективный, не подверженный излишним колебаниям. И да, я признаю, что все беды пришились на первые десять лет после открытия – всем этим занимался отец. И он даже имел право устать, но лучше бы он устал еще через десять лет. До тех пор меня все устраивало: пока учился, набирался опыта стажером, потом штатным сотрудником, после института отец определил меня на должность начальника финансового отдела. Поначалу привыкал, потом освоился, и все же не находился под тем же моральным грузом, что сейчас. И вдруг в двадцать восемь папочка обрадовал новостью, что теперь фирма моя – твори, что хочешь, сынок, флаг тебе в руки, а мы с мамочкой то на Гаити, то в Антарктиду. Мир посмотреть, себя показать, раз мы все в жизни уже нужное сделали.

Я многократно слышал от отца про его незаменимого помощника, который секретарствовал почти со дня основания

еще первого мелкого офиса. Слышал и понимал всю значимость подобной поддержки. Отец, когда прочно встал на ноги, помог Георгию Константиновичу с благоустройством в центре города, а когда жена того умерла, взял на себя организацию похорон. И очень сожалел о том, что старый друг был вынужден покинуть свое место по состоянию здоровья. Я во время этих рассказов сразу для себя сделал два важных вывода: не скупиться на поддержку проверенных людей, которые прикроют твой тыл в любых ситуациях, и найти себе точно такого же помощника. Воевать со всем миром намного проще, когда каждая мелочь контролируется таким скрупулезным и дотошным человеком, как отцовский секретарь. У того была самая настоящая мания к порядку – почти психическое заболевание, но именно это качество и было необходимо. Подобные рассуждения и заставляли меня очень тщательно подходить к вопросу выбора. За год я сменил трех секретарей – ни один из них и близко не мог сравниться с тем самым идеалом. И вдруг такой сюрприз – отец притащил ко мне малолетнюю дочку своего же секретаря! Типа раз уж мне должность по наследству перешла, то почему бы не повторить опыт?

И продолжал давить на эту абсурдную идею, в очередной раз не оставив мне выбора. Лицо дочки показалось смутно знакомым, хотя такие миленькие мордашки встречаются у каждой второй, не грех и перепутать. Но она ни дня не работала! А по образованию была – меня каждый раз начина-

ло трясти, как я об этом вспоминал – бухгалтером. Но нет, отцу приспичило впихнуть ее не в нашу бухгалтерию, хотя она и там нужна как собаке пятая нога, а обязательно ко мне в секретарши. И не хотел слушать доводы, что раз хороший бухгалтер не смог сразу же найти хоть какую-нибудь работу, то вряд ли этот бухгалтер именно хороший. Ей бы гонору поубавить, и рвать сразу не в крупную компанию, а в какую-нибудь мелкую конторку – приняли бы. Где-нибудь бы точно приняли, если она хоть что-то по своей специальности умеет.

Но ответ всплыл со всей очевидностью: эту бы не приняли даже кокаин в пакетики расфасовывать в темном подвале. Настолько ни рыба ни мясо. Нет, ну ты приперлась должность выпрашивать – так хотя бы заяви о себе! Скажи, что приложишь все усилия или что-то в этом духе. Покажи, что заинтересована. Дай хоть один повод согласиться с отцом, что ты достойна шанса. Но нет. Эта что-то промышала в самом начале, а потом стояла, на ветру покачиваясь. Рад, что она в обморок не стала грохаться прямо в моем кабинете. И мне работать именно с этим чучелом? Быть может, отец действительно устал, раз начал принимать такие неадекватные решения во имя старой памяти? И от того, как он ее назвал – «Танечка» – я сам чуть в обморок не рухнул. Что с ним сегодня не так? И это в недалеком прошлом крутой бизнесмен?! Та-а-анечка, мусипусечки... брр-р.

Пересеклись с Николаем на балконе. Он туда выходил на

перекуры, а я – в те периоды, когда надо было срочно отдышаться. Мы учились с Колей в одной группе, тогда же и стали лучшими друзьями – толковый и талантливый экономист, потому он и стал первым принятым мною сотрудником. И, понятное дело, между собой мы не вспоминали об официальности, хотя приятель не подводил – как только на горизонте обозначался свидетель, я мгновенно превращался в «Андрея Владимировича», а он – в обычного подчиненного.

– Видел? – спросил я его без приветствия.

Коля обернулся:

– Видел. На какую вакансию? Или отец решил обмундировать тебя невестой?

Я устало хмыкнул.

– Если бы. Секретаршу мне приволок. И вообще не слышит аргументов.

– Да она вроде ничего так. Смысл злиться, если уж Владимир Александрович попросил?

В кои-то веки меня даже старый друг не смог понять:

– На полгода, Коль, без права амнистии! А она даже разговаривать толком не умеет! Может, у нее с дикцией какие проблемы?

– Может, – Коля приятельски хлопнул меня по плечу. – И все равно не психуй над тем, что не в силах изменить. Девочка поработает-поработает, да сама уволится, когда поймет, что не справляется.

– Точно, – я задумался. – Если она сама уволится, то отцу и сказать будет нечего. Но притом она не должна озвучить ни одной жалобы на меня, которую можно было бы чем-то доказать... Коль, как вынудить кого-то уйти, но притом не навлечь на себя подозрения, что я это специально подстроил?

– А ты просто будь самим собой, – рассмеялся приятель и направился в помещение.

– Чего? – не понял я. – Ты на что намекаешь?

Он не обернулся:

– На то, что ты вызываешь естественную ненависть у всех подчиненных. Даже у меня периодически.

– Стой! Ну-ка объясни!

– Некогда, Андрей Владимирович, много дел. У нас начальник строгий.

Я нервно отмахнулся – пусть идет. Придумает тоже. Да, я не улыбочивый и всепрощающий няшенька, это верно. Но ведь у меня никогда и не было выбора, становиться таким или нет. К молодому руководителю всегда повышенные требования. Вот, мол, сам еще зелен, а крутыми специалистами управляет. И чтобы ни у кого сомнений не возникало, стоит ли это вообще обсуждать, я придерживался выбранного образа. Хотя Коля прав в главном – оставаться самим собой и добавить еще процентов десять к обычному уровню, и дуреха сама будет умолять о пощаде. Тут иногда взрослые мужики ни с того ни с сего в голос рыдают после самых обычных совещаний, а уж у настолько никакущей лапши вообще нет

шансов. Точно, просто быть собой достаточно. И еще десять процентов от себя, чтобы наверняка.

После работы поехал сразу домой. Старость подкралась незаметно и тонко намекнула, что развлекаться посреди рабочей недели – не лучший способ отдохнуть. На пятницу можно спланировать выход с Колей, а пока – дома хорошо, дома тихо и спокойно. Переоделся в домашнее и, вешая деловой костюм в гардеробной, снова вспомнил о происшествии пару месяцев назад и об очень мимолетном знакомстве с какой-то стервой. Да ладно бы она только пиджак сперла, но ведь пришлось блокировать кредитку и восстанавливать права. Мне очень повезло, что девица не утащила что-то более ценное. Странно это, конечно, но повезло.

Тогда я поддал просто адово – со мной случается, хоть и редко. Как раз подписал выгодный договор с крупным производителем на перевозки, но нервов на это ушло несколько килограммов. Они до последнего пили мою кровь черпаками, но в конце концов сдались. И после почти бессонной недели и бесконечных перелетов я позволил себе расслабиться. Вот в период слабости она мне и попалась на глаза. Да так хорошенько попалась, что даже Коля меня остановить не смог. Яркая, красивая, раскованная – она просто великолепно вписалась в литр бодрящего. Да и трахалась, как в последний раз в жизни. В общем, я впечатлился по полной программе, а она взяла и сперла мой пиджак. А той ночью даже догонять и разбираться сил не нашлось, так она меня

ушата. Литр бодрящего ей тоже отчасти помог. Коротко говоря, это был бы отличный вечерок, если бы гадина не похитила мой любимый от-кутюрчик. Да и черт с ней. Случай тот можно было благополучно забыть, но я осознанно себе напоминал – повезло ведь, что не закончилось чем похуже. Почему не потащил в отель, как обычно, а к себе, почему не встал и не выпроводил? Пьяный дурак. И на будущее запомню, что изредка я бываю и таким.

Утром я явился в офис во всеоружии: ошеломляющая ухмылка, от которой весь отдел кадров почему-то нервно дергается, легкая небритость, руки в карманы и примерно миллион заданий на день для моей любименькой новенькой помощницы. Расстроился немного, что она не опоздала – уже до моего появления ждала в приемной. И, едва я только появился, уставилась в пол и пробубнила на грани слышимости:

– Доброе утро, Андрей Владимирович.

Ответил как можно вежливее:

– Что, простите?

Она отрешенно добубнила на той же ноте:

– Утро, говорю, доброе.

Если я такую секретаршу возьму с собой на любую встречу, то все возможные партнеры до смерти уржуются, и мне придется заключать сделки с трупами.

– Татьяна... как там вас?

– Георгиевна, – нет, ну это уму непостижимо. «Георгиев-

на»! Как будто кто-то ее об этом спрашивает!

– Будешь просто Таней. Так что ты там себе под нос-то шепчешь? Видишь ли, Таня, у меня действительно нет времени, чтобы по десять раз переспрашивать. Не могла бы ты прибавить громкости? Ну, если так хочешь здесь именно работать, а не изображать белый шум.

Все, сейчас разрыдается. Если она даже смотреть на меня не может от стеснительности, то уже к концу рабочего дня вопрос будет улажен. Но секретарша вдруг вскинула лицо и изогнула бровь... Стоило немалых трудов, чтобы удержать ухмылку на губах.

– Здравствуйте, говорю, Андрей Владимирович! – рявкнула так, что я невольно вздрогнул.

Итак, с дикцией все в порядке. Спасибо мне, что помог открыть этот талант. А вот куда смятение подевалось? Зачем она тут так правдоподобно зеленела, изображая святую простоту, которая даже взгляд на начальника поднять не может? И вдруг ишь, глаза горят. Лицо смутно знакомое, где-то точно пересекались. Но город наш не настолько огромный, чтобы не было вероятности пересечься раньше. Вариант с флиртом и общением отмел – я даже в самом пьяном состоянии реагирую только на блондинок. Природа такая. У этой темные волосы и темные же глаза, – совершенно не в моем вкусе, хотя таких часто берут в сериалы на роль статисток. Ну, чтоб не слишком страшно в кадре смотрелась и убивать не жалко. Какое совпадение, здесь она в той же роли.

Я не позволил ни одной эмоции отразиться на лице:

– Кофе сделай, потом объясню твои задачи на день.

– Как прикажете, – раздалось мне уже в спину с отчетливым сарказмом. Что происходит вообще?

С кофе она не особенно спешила, а когда поставила передо мной чашку, я уже был готов озвучить хотя бы одну претензию. Но оказалось, что и придумывать ничего не надо:

– Таня, попрошу запомнить, три ложки сахара.

– Сладкое любите, Андрей Владимирович? – ехидно поинтересовалась она.

Меня явно провоцировали, а я просто не мог в это поверить. Потому и отреагировал несколько заторможенно:

– Просто запомни.

Она развернулась на каблучках и вышла из моего кабинета. Вернулась через минуту с сахарницей в руках. Ну вот, значит, когнитивные способности тоже присутствуют. Ура прямо.

Но эта... как бы ее назвать-то?... протянула руку с сахарницей и начала сыпать прямо из нее в чашку. Щедро, с горочкой отсыпала примерно половину, пока кофе не начал выливаться через края на блюде. Собственно, я не тормоз – намек понял:

– Не понял, – тем не менее спокойно произнес я. – Это какой-то бунт?

– Что вы, – сухо ответило подобие бывшей зашуганной девицы, пододвигая ко мне кофе. – Исполнительность! Же-

ление угодать и ответственность! Не похоже?

Не подскочил на ноги, хотя первый порыв и ощутил: встать, схватить ее за плечо и вышвырнуть отсюда, чтобы больше никогда не видеть. Наоборот, улыбнулся и прищурился:

– Кое-кто проверяет границы дозволенного?

И она ответила, теперь не отрывая уверенного взгляда от моего:

– Кое-кто просто понял, что не горит желанием здесь работать. Но я не могу уволиться, если не хочу обидеть отца и Владимира Александровича. Потому терпеливо подожду, пока вы созреете. Вкусно, Андрей Владимирович?

Я уставился на чашку, подхватил и сделал глоток. Жутко. Примерно так же, как сегодняшнее утро. Дело в том, что упомянутый Владимир Александрович мне ее увольнения не простит – она сама должна изъявить такое желание. И, кажется, мегера это прекрасно осознала. А притворялась-то тут... Та-а-анечкой! Всем глаза замылила, даже моему отцу!

– Очень вкусно, – ответил я ей. – Так это война?

– О, – она деланно округлила карие глазки. – Не будем бросаться такими громкими заявлениями, Андрей Владимирович! Я могу что-нибудь еще для вас сделать?

– Можешь, – я улыбнулся шире. – Беги.

Она вышла из кабинета с гордо поднятой головой. Да уж, это точно война. Ну, папочка, удружил...

Глава 3. Таня

Я была собой довольна. Конечно, немного переборщила с приемом, но говорят, что сдерживать эмоции вредно для здоровья. Лишь бы любимому начальнику было сладенько. Тот факт, что он ни сном ни духом о нашей предыстории, радовал – я даже самой близкой подруге о том случае не рассказала и уж точно считала огромной удачей, что даже главное действующее лицо не в курсе. Но притом странным образом это задевало какую-то часть души, отвечающую за женское самолюбие. В общем, хорошо, что не вспомнил. Но плохо, что я оказалась для кого-то одноразовой девкой... Стыдоба. Но ненавидеть себя за ошибку бесконечно нельзя, тем более когда есть более подходящий объект для ненависти.

Но этот самовлюбленный чурбан все же взял себя в руки, чем удивил. Через полчаса он как ни в чем не бывало вынырнул из своего кабинета – руки в карманах, на лице ухмылка, самый натуральный большой начальник – и остановился передо мной. Я удержалась от порыва вскочить и начать бить челом в пол, изогнула бровь в ожидании приказов верховного главнокомандующего. И он оправдал мои ожидания:

– Таня, предлагаю сделать вид, что у нас обоих нет выбора. В конце концов, мы оба профессионалы. Ну, я профессионал, а тебе нужен опыт работы. Идем, проведу тебя по офису, покажу все отделы. Потом поедем на строительство

нового склада – тебе надо быть в курсе, что где находится.

– Ну, как скажете...

Может, ему конфликты настолько не на руку, что он решил обратиться в человека? А мне что делать, если он вдруг станет приятным в общении замечательным персонажем? Тоже, что ли, становиться примерной секретаршей? И через какой-нибудь месяц я буду ему лучшей помощницей, а он мне премии от благодарности выписывать, как будто я, глядя на него, не вспоминаю его же без рубашки? К такому выверту судьба меня не готовила...

Но все же поспешила за начальником, раз он воевать отказался, а я пока не определилась с изменением стратегии. Он шагал быстро и объяснял на ходу, я едва успевала ловить:

– Это бухгалтерия. Здравствуйте, Ирина Михайловна. Я провожу экскурсию для нового секретаря. Василий Андреевич – главный экономист. Николай Николаевич, тоже экономист, а если будет на меня так зыркать, то никогда главным не станет. PR-отдел. Тамара Григорьевна, главная здесь...

Конечно, я не успевала запоминать имена, а кабинеты смогу найти по табличкам. Он просто открывал каждую дверь по очереди, присутствующие нервно подскакивали, он представлял первого попавшегося и шел дальше.

– Сейчас идем на другой этаж. Производственный отдел самый большой. Собственно, только они и занимаются делом. Ты успеваешь запоминать?

– А вам нужно, чтобы я успевала? Ничего, со временем разберусь, если не уволите.

– Зачем же увольнять? Уходи, если сама желаешь, но я сначала все же даю работнику шанс проявить себя. Прояви себя, Таня, и мы разойдемся только через полгода.

– О... ясно, – я растерялась от его неожиданного миролюбия. – Тогда почему вы мне тыкаете, хотя к остальным обращаетесь на вы? – поинтересовалась ехидно.

Андрей Владимирович остановился, и я уже приготовилась к взрыву. Но он окончательно обескуражил лучезарной улыбкой:

– Надеюсь, ты не против. С тобой мне придется общаться больше, чем с другими. Так просто удобнее.

Я развела руками:

– Ну, если следовать такой логике, то и мне проще вам тыкать!

– Только попробуй, – он все еще улыбался, но в глазах мелькнул отчетливый красный огонек. Я поняла угрозу. А Андрей Владимирович широко махнул рукой в сторону, резко меняя тему: – Итак, Таня, производственный отдел.

Строго говоря, производства я там никакого не обнаружила – огромное количество людей за отдельными столиками, и почти все как раз говорят по телефону. Улыбнулась широко всем, кто на меня посмотрел:

– Здравствуйте, я новый секретарь Андрея Владимировича, Татьяна.

Строить перед этим людьми хамку я намерена не была – наемные работники уж точно не отвечают за грехи босса. Да и сам он как-то уж слишком просто воспринял мой выверт с кофе – показатель, что человек он крайне терпеливый. Или все-таки запоздало вспомнил меня, а теперь решил разыграть чисто деловые отношения, чтобы, как говорится, сгладить неловкий момент?

Оказалось, что я ошиблась во всем: он не был ни терпеливым, ни проникшимся чувством вины. Просто выжидал подходящего момента. И дождался-таки.

– Ты должна знать, где это находится, на случай, если придется добираться одной. Садись спереди, – кивнул на первую машину, когда мы вышли на парковку.

– Так у вас есть права? – не удержалась я.

Он замер и приподнял бровь:

– Ты сейчас на что конкретно намекнула? Что я выгляжу младше восемнадцати лет, или что мне по каким-то другим причинам могли права не выдать?

– Да какие там причины, – буркнула я под нос. – В нашей стране даже психу права дадут, если он достаточно богат.

К счастью, дорогой начальник мой ответ не расслышал и переспрашивать не стал. Восстановил, значит. Но так приятно было представлять, как он копается в мусорном баке, плачет от отчаянья, а потом все-таки находит права, мною же туда и выкинутые два месяца назад.

Ехали молча, я приняла негласный договор о нейтралите-

те. Но вот после остановки настигла и долгожданная месть за кофе: буераки, колдобины и вырытая на нашем пути траншея в полметра глубиной, а сам пункт назначения как раз за этой полосой препятствий. Ну и кто бы сомневался, что его величество мне даже руку не соизволил подать? Просто пробирался вперед и торопил:

– Не отставай, Таня. Секретарь должен быть не только надежным, но и ловким. У тебя как с ловкостью?

Экипировка моя совсем не подходила для таких приключений. Преодолено только три метра, а я уже запыхалась. Не порвать бы колготки, не подвернуть бы ногу – больше усилий тратилось на это, чем на сам трудный переход. Сдула прядь, упавшую на лицо:

– Прекрасно у меня с ловкостью!

– Что-то не похоже, – он со вздохом повернулся ко мне.

Я вскинула голову и выдавила улыбку:

– Похоже, Андрей Владимирович. Однако ж если бы вы были одеты в мою юбку и обувь, то проявили бы больше сочувствия.

– Как-нибудь в другой раз. Может, тебе стоит провериться у врача? Я с пониманием отнесусь к твоему увольнению по состоянию здоровья.

Вот и понятно, что к чему. Не дождется! Я посмотрела на дно траншеи. Спрыгнуть-то смогу, но вот как потом забраться, не потеряв чести и достоинства? Венценосный перец просто перепрыгнул, гад прыгучий. Но мне для того же

трюка пришлось бы юбку до талии задрать. Огляделась в поисках обхода.

– Ну, долго ждать, Таня? – он откровенно насмехался. – Или ты всерьез считаешь, что тебе зарплату будут платить за стояние на одном месте?

Зыркнула на него исподлобья, обнаружила едва сдерживаемую улыбку и решила не доставлять ему лишнего удовольствия. Обойду эту треклятую траншею, не бесконечная же она! Но заметила грузного рабочего и натянула самое милое выражение лица:

– Извините, не подадите руку, когда я спрыгну? Боюсь, что без вашей помощи не справлюсь!

– Да на ручках перенесу лапушку такую, – гаркнул тот обнадеживающе, но тут же добавил: – Только почему посторонние на территории? А, Андрей Владимыч, здрасьте. Проверка?

– На этот раз нет, – ответил босс. – Просто показываю новенькой, как у нас тут все устроено. Ей, как видите, нравится.

– Вижу, – нахмурился мужик. – А почему оба без касок? Меня проверяете, да?

– Да не проверяю я!

– Ну да. А то я вас не знаю. Стойте здесь, оба! – он указал пальцем почему-то на меня, а потом сорвался и побежал в сторону.

Вернувшись через минуту, протянул одну каску шефу, а потом перепрыгнул на другую сторону баррикад и силой на-

хлобучил вторую на меня. Прощайте идеальные кудри, отнявшие у меня час жизни. Но зато и обещание выполнил – подхватил на руки и с легкостью переместил на тот берег. Вот это мужчина, я понимаю! Сильный, смелый, все проблемы мгновенно решающий! А не вот это подобие человека... Которое, не успела я поблагодарить спасителя, наклонилось к моему лицу, погладило ладонью по каске и заявило:

– Думаю, что в самом складе тебе делать нечего, там только несущие стены готовы. Можешь возвращаться в машину и подождать меня там. Михаил Сергеевич, за мной. Устрою вам проверку, раз уж приехал.

Мой личный герой сразу поник и побежал за начальником.

Я проводила обоих взглядом и улыбнулась. Итак, объявление войны мимо меня не прошло, и ежу ясно, что к чему. Кое-как нашла обход, едва не переломав ноги, но возле машины пришлось ждать. Само собой, ведь она была заперта.

К возвращению босса я успела взять себя в руки и встретила его самой приветливой улыбкой:

– Здесь всё, Андрей Владимирович?

– Да. Теперь ты знаешь, куда идти, если пошлю, – прозвучало очень двусмысленно, но я не стала заикливаться, а растянула улыбку еще шире.

– Благодарю, Андрей Владимирович. Поездка вышла очень познавательной.

– Ах да, пока не забыл, – он пикинул брелоком, отключая

сигнализацию, но остановился возле меня. – Таня, секретарь – это не простая должность. Например, ты просто обязана выглядеть презентабельно.

– А я, получается, недостаточно презентабельна?

– Ну, как тебе сказать... Разве это не вчерашняя блузка?

Я растерялась и ничего не смогла ответить. Но он справлялся и без моей помощи:

– Так вот, каждый день должен быть новый верх. Элементарные правила, Тань!

– Вообще каждый день? – я опешила от наезда. – А раз надетое сразу выбрасывать? Это ж какую зарплату вы будете мне платить?

– Приличную, – он выглядел таким самоуверенным, как если бы полностью захватил инициативу. – И не нужно выбрасывать. Повторяйся, но с большими перерывами. Иначе клиенты будут думать, что ты нищенствуешь.

Я невольно округлила глаза. Но, как выяснилось, директор только разогребался:

– И обувь. Что это вообще?

– Б... ботильоны, – смиренно ответила я, хотя больше хотелось выругаться. Придирка была именно придиркой: обувь на мне была модной, новой и очень удобной, на устойчивом каблучке. Удобной, в смысле, если в ней не по стройкам лазать, конечно.

– Так вот, Таня, чтобы больше я такого б... безобразия не видел. Ты теперь секретарь, здоровья моему папе и дол-

гих лет жизни. А секретарь – это лицо директора. В общем, туфли на высокой шпильке! Иначе я начну тебя штрафовать за нарушения дресс-кода. Нет-нет, не уволю, не радуйся так! Но мне будет не слишком обидно, если не придется платить тебе зарплату, ушедшую на штрафы.

– Шпилька, значит...

– Ну да. И это не обсуждается.

Я приторно улыбнулась ему вместо ответа. Ясен пень, что на шпильках он будет таскать меня по всем городским стройкам – экскурсии ради. А потом даже компенсацию выплатит, признав производственную травму. Лишь бы папа не упрекнул в злом умысле. Причем тут Андрей Владимирович, если девица сама на каблуках наворачнулась?

До вечера я скакала по всему офису, подобно сайгаку весной, ищущему пару. «Таня, отнеси документы», «Таня, распечатай документы», «Таня, мне позвонить отцу и сказать, что ты отказываешься работать?». Последнее не особенно пугало, но я твердо решила, что месть нужно подавать именно холодной, а пока лучше прикинуться смиренной овечкой, которая все переосмыслила и очень не хочет ходить на шпильках.

Вечером дома решила все-таки закинуть пробную удочку:

– Пап, а если мы с Андреем Владимировичем все-таки не сработаемся?

Отец ободряюще улыбнулся, но сказал неприятное:

– Тогда я буду очень разочарован, Танечка. Потому что

твердо уверен, что два взрослых и умных человека всегда способны найти общий язык. Думаешь, у нас с его отцом не было недопониманий? Еще сколько, особенно в самом начале! Вот и ты учись, взрослей, набирайся опыта и умей договариваться!

М-да... с тем договоришься... А папа уже отвлекся:

– Кстати, Владимир Александрович помог же с поисками квартиры! Прямо рядышком с офисом, маленькая, недорогая, чистенькая, я уже договорился. В выходные ты переезжаешь, а со следующего месяца будешь оплачивать со своей зарплаты. Какой я молодец у тебя, все разрулил!

Я же нахмурилась:

– Есть легкое чувство, что ты мечтаешь от меня избавиться.

– Мечтаю! – добил он. – Лети, лети, птенчик из гнезда, в добрый путь. А то у меня пенсия-то приличная, а тратить ее некуда, пока ты тут меня контролируешь!

– Пап, но у тебя ведь слабое сердце!

– Сердце зависит от морального комфорта, дочка! И каждому человеку надо иногда нагишом растянуться с бокалом вина на диване и помечтать.

Представила, вздрогнула и поспешила скрыться в своей комнате. И почему он все время молчал? А может, не молчал, и именно потому сестра с братом поспешили «улететь из гнезда»? А я не была в курсе, пока учебу не закончила и на работу не устроилась? Милота какая. Жаль, что эта рабо-

та ненадолго...

Глава 4. Андрей

Коля хохотал в голос и называл меня злобным инфантилом. Я воспринял этот эпитет как факт дружеской поддержки. С волками жить – по-волчьи выть, то есть хочешь победить наглую дрянь – играй по ее правилам.

Сначала я думал на посту охраны оставить приказ – мол, если секретарша моя посмеет явиться на шпильке ниже девяти сантиметров, то выгнать ее переобуваться. А потом решил играть тоньше. За один день я каким-то образом уловил, что эта ни перед чем не остановится. И если так, то охране столь важную миссию лучше не доверять – сам справлюсь. Для того приехал в офис раньше обычного и остался возле стойки охраны. Парни почему-то сразу перестали весело что-то обсуждать и уставились в мониторы с таким интересом, как будто там не пустые коридоры показывали, а занимательный детектив.

И попал в самую точку. Даже обомлел от радости! Татьяна-чтоб-ей-пусто-было-Георгиевна превзошла мои самые смелые надежды, я с растущим восторгом рассматривал ее с пят до головы: тряпичные кеды, рваные джинсы – на правой ноге голая коленочка торчит, а вот сверху блузка – новая. Она не растерялась, когда увидела мою победоносную улыбку, а остановилась в паре метров, приподняла руки и легко покрутилась. И только потом поприветствовала:

– Доброе утро, Андрей Владимирович. Дресс-код, как вы и требовали.

Я не мог не улыбаться во все зубы, просто физически не мог:

– Потрясающе. Это самая высокая шпилька в твоём гардеробе? – я кивком указал на кеды.

Вся охрана заинтересовалась, а некоторые даже через стойку перевалились, не стесняясь ухмыляться. Таня округлила глазки:

– Тут дело такое, Андрей Владимирович, что некоторые мелочи пришлось отложить до зарплаты! Хотя, если вы выплатите мне сегодня аванс, то я обязательно что-нибудь придумаю!

– Аванс, значит, – теперь я улыбался с угрозой. – С ума сойти от такой наглости.

– Тогда проявите понимание! Денег нет, но я держусь! – она развела руками, без стеснения доигрывая сцену перед зрителями, часть из которых начала и гоготать. – Или что же, выгоните переодеваться?

О, нет. Изначальный план такой и был, но я ведь не думал, что чувство протеста занесет ее так далеко?

– Что ты, проходи, пожалуйста, скоро рабочий день начинается, – развернулся и направился к лифту.

Наконец-то, ее веселье исчезло. Догнала и уточнила:

– А что это с вами, Андрей Владимирович? Даже не психуете! Вы на успокоительных, что ли?

– Угу, – я не скрывал торжества. – На это и был твой расчет: я тебя отправлю переодеваться, а ты заявишь, что квартира на другом конце города и вернешься после обеда.

– Вообще-то, собиралась ближе к вечеру, – буркнула она. Дождался, пока она войдет в лифт, потом нажал кнопку нужного этажа. Она повернулась к двери. Дери меня черти! У нее и сзади разрезы на джинсах – один чуть-чуть пониже ягодицы. Захотелось запустить туда палец и разодрать по-сильнее. Но эта стерва же сразу накатает заяву о сексуальных домогательствах, потом отбrehивайся, что действие было продиктовано исключительно задорным характером и желанием еще сильнее обострить обстановку! Сосредоточился на разговоре:

– Вот-вот. Кое-кто посчитал тут себя самой умной?

Она пожала плечами, не оборачиваясь:

– Было дело. Надеялась хотя бы на истерику с битьем головой о стену.

– Зачем такие крайние меры? Я просто собираюсь прямо сейчас придумать тебе какое-то поручение и отправить к моему отцу. Мне ничего не надо говорить – пусть сам посмотрит и начнет делать выводы.

– Хитро! – рассмеялась она. – Но у меня на такой случай брюки в сумке.

– Хитро... – признал я в ее лице достойного противника. – Но победу пока не празднуй, не на того нарвалась.

– Да знаю я, на кого нарвалась, – как-то тише и спокойнее

ответила Таня.

Эта фраза смутила непонятностью. До сих пор вырисовывалась такая картина: ей дико не понравился мой первый прием, но наших отцов она огорчать не собиралась, потому и решила держаться, пока я сам ее не уволю. А я ее не уволю по тем же самым соображениям. Ничего личного. Но в последнем прозвучало именно личное:

– Таня, ты как-то слишком охотно вспылала ко мне ненавистью.

Она склонила голову и не ответила, пришлось продолжить самому:

– Это из-за того, что я не хотел принимать тебя на работу? Но ты так правдоподобно синела полосами. А потом неожиданно переметнулась на темную сторону. И теперь я хочу видеть тебя на этой должности еще меньше. С моей стороны легкая неприязнь логична.

– С моей тоже, – ответила она и вышла в открывшиеся двери.

Взгляд снова зацепился за прорезь в джинсах. Но теперь я думал совсем о другом. Такая подставит – наглости хватит, сорвет переговоры или сделает печатку в нужном месте, которую я когда-нибудь пропущу. Но притом будет изображать из себя рабочую пчелку, чтобы не нашлись свидетели законности ее увольнения. И откуда ждать подвоха? Да откуда угодно! Теперь мне придется каждую бумажку проверять по десять раз, чтобы не вляпаться в неприятности... Интерес-

но, отец предполагал, что именно так может все обернуться? И поверит ли, если я прямо об этом скажу?

В любом случае, мне выгодно сейчас охладить пыл. Подошел к столу, где она уже размещалась, и произнес проникновенно, продумав каждое слово заранее:

– Татьяна, предлагаю объявить перемирие. И приношу извинения за свою первую реакцию. Я готов дать тебе шанс проявить себя и буду оценивать твои навыки по факту, а не по первому впечатлению. Сделай, пожалуйста, кофе. И три ложки сахара, помнишь?

В ответ она вскинула обе брови. Я не стал дожидаться пламенных признаний в бесконечной преданности, а пошел в кабинет. Вот! Я идеален! Сейчас она все переварит и поймет, что пора вести себя как взрослый человек! Начнет выработываться, чтобы оправдать уже и мои, а не только наших отцов, ожидания, а я тем временем придумаю способ, как ее быстро и основательно подставить. Все верно, враг не должен знать о готовящейся атаке, тогда и не ударит первым.

Кофе она принесла, показав тем самым, что все хорошо расслышала. Но сказала почему-то совсем другое:

– Хорошо, Андрей Владимирович, я постараюсь хотя бы не нарываться на открытые конфликты, раз вы извинились. Кстати, не могли бы вы извиниться еще раз, а то мне немного не хватило...

У меня челюсть чуть не упала на стол. С трудом взял себя в руки и ответил предельно спокойно:

– Уверен, одного раза вполне достаточно.

– Но...

– Не перегибай! Я и без того сделал над собой немислимое усилие.

– А... Понимаю, – она смотрела в пол и говорила неуверенно. – Таким, как вы, наверное, вообще сложно признавать свои ошибки? Не такой у вас характер... Владимир Александрович начинал с нуля, он сам рос вместе с этим бизнесом, а вас, наверное, с детства в золотых подгузниках растили и простой человечности научить не смогли. Я не осуждаю, наоборот, пытаюсь проникнуться вашими особенностями.

Встать, взять и вышвырнуть. В окно. Отсидеть лет десять. Выйти. Быть счастливым.

Но я свой пост не только по праву фамилии занимаю – я каждый день доказываю миру, что достоин этого места! И в том числе тем, что выхожу из себя только внутри, а внешне – идеал профессионализма.

– Примерно так, – сдавленно признал, лишь бы она со своей стороны подпись о перемирии поставила.

Она и поставила, даже при этом миленько покраснела, как будто не она тут недавно права качала, а вполне себе скромный и миролюбивый человек:

– Ясно. Тогда я принимаю извинения, Андрей Владимирович. И постараюсь стать секретарем не хуже, чем когда-то был мой отец. Вот, пожалуйста, ваш кофе, три ложки саха-

ра, – она вдруг запнулась, а потом добавила бегло: – Только не пейте его – я туда плюнула. Простите, удержаться было выше моих сил.

И выскочила из кабинета. Я еще минут пятнадцать сидел с разинутым ртом.

Коля снова хохотал в голос. А потом, вытирая слезы, заявил, что она идеально мне подходит. Мы будто бы родились, чтобы слиться в один тугой делопроизводственный комок. И если намеченная тенденция продолжится, то мы с ней непременно станем двумя половинками одного целого, как Владимир Александрович и Георгий Константинович. Дескать, просто у моего отца характер другой, потому ему другой секретарь и был нужен. Коротко говоря, хороших к хорошим, а Таню – к нам.

И целый день я сидел в засаде, ожидая нападения, как трусливый заяц.

– Таня, восемь ксерокопий вот этой бумажки, пожалуйста.

– Как скажете, Андрей Владимирович.

После чего я перепроверил каждую копию из восьми. Ошибок не обнаружил, но ощутил несколько рецидивов паранойи.

– Андрей Владимирович, звонили из Иркутского филиала, просили предупредить, что транспортировка задерживается до завтра.

Перезвонил и убедился – не соврала. Да что с ней не так?

– Андрей Владимирович, сегодня в пять приедет юрист

для...

– Да знаю я, знаю!

– А вот кричать необязательно. Я – человек нервный, мало ли чем обернется...

В итоге до конца дня она работала идеально, что морально измотало меня до состояния тряпки. А перед выходом застал ее за столом, раскладывающей по папкам все старые отчеты. Она даже язык высунула, аккуратно приклеивая к каждому месяцу маленький стикер.

– Ты что делаешь? Прошу, признайся, что издеваешься! Спаси мою психику.

Она даже головы не подняла и потянулась за оранжевым «февралем»:

– Мне было скучно, Андрей Владимирович, а перфекционизм, боюсь, – это мое наследственное заболевание. Я как открыла и увидела, что все вперемешку, меня чуть удар не хватил. Надеюсь, вы не против?

– Я... не... против...

И поспешил убраться с военного полигона. А стерва оказалась крупным игроком! Просто наизнанку выворачивает! Через неделю я сам уволюсь, если останусь в таком же напряжении. А это олицетворение зла все делает так естественно, непринужденно, как будто бы в институте училась выводить людей из себя.

Глава 5. Таня

Усилием воли я заставила себя занять выжидательную позицию. Допустила мысль, что моя позорная история – только моя. Нет, Андрей Владимирович вызывал у меня исключительную ненависть, но разве эту работу нельзя рассматривать не только как источник опыта и заработка, но и полигон для тренировки силы воли? Если он вдруг начнет вести себя по-человечески, то и мне стоит хотя бы попытаться? Да и ставить себе нужно выполнимые задачи! Например, дожить до пятницы, перевезти вещи в новую квартирку и устроить там новоселье.

Потому и на провокации со стилем решила больше не идти. Вырядилась во вполне себе деловой брючный костюм с удобной обувью: точно не так шокирующе, как вчерашний прикид, но и по стройкам смогу. Если каску выдадут.

С начальником столкнулась на входе в офис. Точнее, увидела его машину на парковке и остановилась, чтобы подождать. Пусть мерзавец осознает, что моя милость сегодня в хорошем настроении, – осознает, впечатлится и хоть что-то сделает со своим характером. А если у него и по поводу этого внешнего вида возникнут претензии, то я тщательно продумала несколько мстительных операций. И пока шел, я невольно скатывалась в неприятные воспоминания двухмесячной давности. Красив, гад, просто невероятно красив –

и в этом костюмчике с расстегнутой верхней пуговицей, и в футболке. Такие точно знают себе цену, оттого и не считают нужным прокачивать другие качества.

Андрей Владимирович, завидев меня, сначала прищурился, но затем натянул приветливую улыбку. Работает моя миролюбивая задумка! Мелькнула подленькая мысль, что все запланированные мстяшки все равно пригодятся – когда он расслабится и не будет ждать подвоха. Ненависть-то никуда не делась! А ненависть в засаде только зреет в ожидании своего часа.

– Утра доброго, Таня, – смотрите-ка, и поздоровался как человек.

Вот точно что-то задумал... Однозначно, сидит в засаде и подготовил несколько мстительных операций, как некоторые. Моя улыбка получилась лучезарнее его:

– Здравствуйте, Андрей Владимирович. Надеюсь, такой внешний вид устроит и вас, и вашего отца, и строителей?

– Вполне, – легко ответил он и попытался улыбнуться еще шире.

М-да. Так улыбаются не от мелких мстяшек, а от чего-то воистину потрясающего. Попробовала победить его улыбку, но челюсть уже не позволяла сделать это так, чтобы притом не из меня копию карикатурного клоуна. Пришлось сбавить обороты и направиться к офису, чтобы мое поражение в улыбательности не было замечено. И щебетать, аки примерная птишка:

– Я вчера отсканировала старые протоколы, как вы просили. Через полчаса распечатаю и принесу вам, – тонко намекнула на то, что сроков в этой задаче мне вообще никаких не ставили.

– Благодарю, – тем же ехидным тоном ответил начальник. – Твое стремление все делать быстро не может не впечатлять. Вырабатываешься, чтобы я забыл твое предыдущее поведение?

Сиди, сарказм, сиди на месте! Сейчас лучше без тебя! Но в голосе что-то все же отразилось:

– Спасибо за комплимент, Андрей Владимирович. Наверное, вам сложно признавать заслуги кого-то, кроме себя?

– Отнюдь, Таня. Такое рвение я заметил бы у любого сотрудника и очень бы его ценил. Рад, что ты пошла в отца не только формой носа.

– О, не только, – обнадежила я его, уловив укол. – Стремление к порядку – мое второе я. Жаль, что не у всех людей оно присутствует. Такого бардака, как в вашей документации, я даже вообразить не могла. Я все пыталась понять систему. Фен-шуй? Протест гармонии? Незнание алфавита?

– Приму к сведению, – на той же ноте подхватил он. – Но, боюсь, эти ошибки можно отнести на счет моей предыдущей помощницы. Ведь это секретарская работа, а мне приходится господствовать над хаосом.

– Ага. Очень удобная позиция. Я все хотела спросить, а что случилось с тем самым предыдущим секретарем? Только

не говорите, что он не вынес вашего характера, – не поверю!

Один из охранников за стойкой вскочил на ноги, чтобы поздороваться, но я великодушно махнула ему рукой:

– Привет, Сереж! Да не подсакивай ты так.

Не зря я с ним вчера пятнадцать минут после работы о жизни трещала, вон, как рад меня видеть. Но парень почему-то растерялся и сдавленно высказался:

– Здравствуйте, Андрей Владимирович! Происшествий не было.

– Доброе утро, Сергей.

А, он ради этого вскакивал – верховное начальство же пожаловало, почему-то постоянно вылетает из головы. И ведь никто этим бедолагам не сообщил, что крепостное право на днях отменили. Неловко как-то вышло.

В лифте я вернулась к старой теме:

– Так почему уволилась моя предшественница? Если это не секрет.

– Никаких секретов, – босс смотрел вперед. – И она не уволилась. Я уволил.

– За что?

– Какой предсказуемый вопрос. За то, что она не соответствовала моим требованиям, конечно.

– А, ну я так сразу и подумала. Вы же воплощение ежовой рукавицы.

Уголок его рта пополз вверх – радуется, видимо, комплименту. И даже не понял, что хвалить его тут никто не соби-

рался. Ответил так же спокойно:

– Но сейчас я жалею о том решении. Да, Галина была ужасным секретарем, но меня она устраивала примерно в четырнадцать раз больше, чем ты.

Я легко отмахнулась:

– Это вы просто не прониклись еще! Сейчас сделаю вам кофе и распечатаю протоколы. Вы как увидите, так сразу броситесь в бухгалтерию – премию мне выписывать.

– Даже представить пока не могу. И кофе не надо.

– А что так? Не доверяете?

– Вчера я решил, что в ближайшие полгода вполне способен спускаться в буфет, а не испытывать судьбу.

Надо же, а он не так глуп, как мне хотелось бы.

В общем, утренняя беседа прошла прекрасно – никто даже не сорвался на крик. Это ли не лучшее начало мирного взаимовыгодного сотрудничества? Так я и думала, пока не увидела на столе странную бандуру. Монитор древнего-древнего компьютера с полукруглым экраном заставил меня замереть на месте. Но он еще выглядел великолепно по сравнению с системником...

– О, забыл предупредить, – Андрей Владимирович и не пытался скрыть веселья в голосе. – У юристов компьютер сломался, и пока ремонт, я разрешил попользоваться твоим. Но и о тебе, как видишь, позаботился: работа не должна останавливаться! Это ведь ничего? На пару дней всего. Общее дело все-таки делаем.

Голос мой почему-то прозвучал хрипом:

– Я так понимаю, ночью сломался?

– Ну, всякое бывает... – он не замедлил шага, направляясь в кабинет.

– Да когда вы только успели?! Я же вышла вчера позже вас!

Он не ответил, но я уверена, что сейчас улыбался еще шире, чем на улице.

– А как же протоколы... – я позволила себе проскулить это жалобно, поскольку через дверь он меня уже расслышать не мог.

Понятно, война идет полным ходом, он намерен мешать мне буквально во всем. А я, дура наивная, даже ничего достойного такого хода не придумала.

Включила и обомлела. Операционка какой-то средневековой версии загружалась медленно и мучительно. И даже если она когда-нибудь загрузится, и я каким-то неведомым образом смогу установить нужные драйвера, то сканирование и распечатка займут уже не минуты – годы. Кому пожаловаться на такое? Да и жалуются только слабые. Но в ином случае ведь просто дам основания назвать меня неисполнительной. Однако Андрей Владимирович ошибся, посчитав меня беззащитной овечкой. Пролистала список контактов в мобильнике, нашла Сашку и кратко объяснила ситуацию.

Приятель задумчиво тянул:

– Не-е, Танюх, обновление не потянет. Ты точно модель

назвала? Тащи его в музей, что ли...

Я была на грани истерики:

– Но что же делать?

– Апгрейдить разве что, – так же монотонно размышлял друг. – Но скажу честно, проще выкинуть и забыть.

– Сашка, проснись уже! Представь, что ты в супергеройском фильме и от тебя зависит спасение мира!

– Да думаю, я думаю... – справедливости ради, он никогда особой быстротой мышления и не отличался. – Выход для сетевого кабеля есть? Какой формы?

– Вроде бы, – я осматривала древнюю бандуру с видом эксперта. – Сейчас сфотографирую. Но даже разъема для флэшки не предусмотрено!

– Ваще хана, – вынес он вердикт.

– Сашка! – рявкнула я. – Мир под угрозой, забыл? Или мне стоило позвонить Мишке? – я сделала ставку на извечное их соперничество еще в институте.

Приятель мгновенно встрепенулся:

– Ага, а он прямо спаситель мира. Мишка в теме вообще не рубит! Давай заново, Тань. Теперь со всеми входными данными.

Через пятнадцать минут я вдохновенно летела на пост охраны:

– Сереж! Распоряжение шефа! О, привет, – я увидела незнакомого мужчину в той же форме. – Меня зовут Татьяна, я новый секретарь Андрея Владимировича, – и улыбну-

лась приветливо. Отношения с сотрудниками – залог полного душевного комфорта.

Вот чем хороши охранники – все настоящие мужчины и делают, не переспрашивая. Они мне и технику перенесли, и позволили под телефонным руководством гениального Сашки подключить к сети. Старье с моего стола вполне тянуло изображение с камеры, потому охрана и не подумала о подвохе, а я внезапно обзавелась компьютером с достаточной оперативкой, что Сашку невероятно вдохновило:

– Лови ссылку на драйвера, Тань!

– Ловлю, ты мой самый-самый одаренный программист!

– Тю! – гордо отвечивал он. – Красный диплом! Честный, в смысле, а не как у нытика Мишки!

– С меня пиво!

Он вдруг поник:

– Нет, Тань... Ты бы мне лучше клиентов подогнала, проблема с этим... Я это... некоммуникабельный. А ведь все-все умею...

Это мягко сказано. Что Сашка, что такой же умняха Мишка, – просто образцы занудства и ботанического образа жизни. После окончания института они вообще перестали на улице показываться – все ждут, когда работодатели и клиентура их в темных подвалах разыщет и снабдит заработками.

– Будут тебе клиенты, Саш. Ты пока в душ сбегай, а то, может, прямо сегодня и будут.

И когда через час принтер послушно выводил распечатан-

ные листы, из кабинета показался его мерзейшество. Я сузила глазки и натянула улыбочку, как в китайских мультфильмах. Но он молчал, потому пришлось объясняться мне:

– Еще минут двадцать, Андрей Владимирович. Тут возникли некоторые неполадки, о которых вы, конечно же, прекрасно осведомлены, но все улажено.

Он перевел взгляд с проводов, которые я еще не успела аккуратно убрать под стол, на меня:

– Намекаешь, что я тебе каким-то образом работать мешаю? – спросил ехидно.

– Что вы! Намекаю, что вы и не говорили о срочности этой работы, а уже через двадцать минут она будет сделана.

– Великолепно! Вот только я не давал разрешения на перемещение оборудования.

Я очень правдоподобно вытаращила на него глаза:

– Это для общего дела, Андрей Владимирович! Всего на два дня и без ущерба для производственного процесса! Вы ведь сами учили поступать именно так. Может, вам все-таки сделать кофе? – и угрожающе зыркнула.

– Не надо, – окончательно растерялся он и поспешил куда-то сбежать.

Но я остановила:

– А, еще одно, Андрей Владимирович! Я пока у юристов свои файлы догоняла, мимоходом выяснила, что сломавшийся ночью компьютер никто в ремонт не отправил. Видимо, не до того было. Так я уже пригласила специалиста!

Настолько высококлассного и недорогого, что прямо сердцем чувствую, что уже сегодня до конца дня все получают свои компьютеры обратно. Можете не благодарить! Это моя работа!

Благодарить он, по всей видимости, не собирался. Кивнул и все же вышел. Вот так, Андрей Владимирович, за нечестную игру вам серия пенальти! Не стала себе отказывать: вышла из-за стола и изобразила победоносный марш, пока никто не видит. Потом успокоилась, задумалась – и додумалась, что этого явно мало. Необходимо не только отражать удары противника, но и атаковать. Потерла руки и сладко выдохнула, предвкушая, как уже очень скоро он будет бледнеть от одного моего появления. А примерно к понедельнику начнет слезно умолять о пощаде.

Но дело оказалось сложнее, чем я предполагала. На пятницу была запланирована масштабная презентация по расширению, но босс очень удачно изолировал меня ото всей подготовки, постоянно заваливая другой работы. Мне даже сам файл с презентацией перехватить не удалось – он не терял бдительности!

– Ирина Михайловна, давайте я отнесу, если вы закончили!

– Да что ты, Танечка! Андрей Владимирович уже сам забрал. Но раз ты забежала, то передай, пожалуйста, вот эту папку в производственный.

– Без проблем!

Презентацию ненадолго выкрасть не удалось. А так хотелось добавить картинкам смайликов и в конце приписать «чмаффки!». Такая пикантность собрание не похоронит, но настроение начальнику подойдет. Жаль, что он признал во мне достойного противника так рано... Расстроилась, конечно, но лицо держала:

– Еще что-нибудь, Андрей Владимирович? Я могу распечатать эти буклеты!

– Не надо! – отрезал он. – Для тебя срочное задание: поезжай на стройку и проверь, все ли в касках.

Вышла из офиса, завернула в кафе и честно отсидела там полтора часа. Утешало только то, что боссу приходится выполнять и свою, и мою работу. А еще тратить силы на то, чтобы не пропустить мой удар. Если повезет, то рано или поздно у него будет нервный срыв. Но так он молодо и здорово выглядит, зла не хватает...

Оставался только последний козырь. Потому я досидела рабочий день, не высовываясь, то есть наслаждаясь раскладыванием бумажек по порядку, а в пятницу прихватила из дома исключительный подарок. Речь Андрея Владимировича на презентации должна быть впечатляющей – не зря же он полдня с этим сидел, а мне не позволил даже в листок заглянуть. Но у меня есть шанс вывести его из равновесия! Повесить злополучный пиджак на спинку стула или самой явиться в нем прямо в разгар речи? Насладиться выражением его лица и заиканием, а потом...

А вот что потом? Я впихнула пакет с пиджаком обратно в сумку. Да, из себя я его точно выведу, заставлю потерять дар речи и, если повезет, перед гостями предстать несобраным и едва подбирающим слова. Он вспомнит меня – не меня даже, а собственную вещь. И после этого он будет смотреть на меня уже не как на навязанную секретаршу, а как на жалкую обиженку, которой воспользовались и не оказали чести вспомнить. Но ведь это не про меня! Да, обида есть, но моя ненависть базируется вообще не на ней – а на этом гнусном потребительском характере. Андрей Владимирович заслуживает урока в целях перевоспитания, а не потому что я собственную ошибку забыть не могу. Стало даже как-то жутко от мысли, что я чуть не решилась на открытие тайны. Нет, я могу уязвить босса, но не могу выставить на посмешище себя.

В итоге решила довольствоваться малым. К тому же у меня было больше часа полной свободы действий – его же вина, что не занял меня в презентации! Зашла в кабинет, осмотрелась. Небольшие пакости тоже сойдут, раз от полнопрограммной катастрофы я самолично отказалась. А ведь он должен меня благодарить, но не сможет, потому что не в курсе. Эх. Как грустно быть неизвестным героем.

Я как раз вырезала ровное сердечко на рубашке, которую обнаружила в шкафу, когда он вошел. В его кресле сидеть очень удобно, а я еще не закончила, потому не стала отрываться от дела. Дотошность – тоже моя фамильная черта.

– Уже все, Андрей Владимирович? Как прошло?

– Т-ты... что... делаешь? – наверное, не очень прошло, раз он говорил так сдавленно.

– Мшчу за компьютер, что же еще? Кстати, Сашка подтвердил, что никакой поломки и не было – вы просто заменили компьютер в юридическом на мой.

– Т-ты... – его голос набирал обороты. – Какой еще Сашка?!

– Так компьютер приезжал чинить. У вас с памятью плохо, потому вы сами секретарскую работу выполняете? Так доверились бы мне уже.

– Татьяна! – рывкнул он. Я приподняла рубашку повыше, чтобы и ему дать возможность разглядеть, как ровно получилось. Да и под деловым пиджаком будет не видно, на любую встречу надевай. – Да я ж тебя за это просто вышвырну!

Я выглянула из-за рубашки и лукаво улыбнулась:

– Только этого и жду, дорогой начальник!

Он выглядел растерянным от моей наглости:

– Ты совсем кукушкой двинулась? Такой аргумент даже мой отец посчитает весомым! Да где такое видано...

Я пожала плечами – наверное, его не впечатлили мои художества.

– В том и дело, что нигде не видано, потому и не поверит. Особенно если я буду утверждать обратное. Вы гляньте на меня, разве человек с такими круглыми глазами может врать?

– Не поверит... – он отозвался эхом, устало.

Потом обошел стол, подхватил меня за локоть и резко рванул вверх, выгоняя со своего места. Вид у него, однако, был не слишком энергичным. Послушно заняла стул возле стены, а рубашку аккуратно повесила на спинку. Да, так себе пакость – самой стыдно за отсутствие феерии! Просто ничего другого не придумалось. Он из-за моей фантазии так расстроился, что схватился руками за голову и устремил рассеянный взгляд в воздух?

– Да как же я в тебя вляпался-то?.. – сокрушался очень правдоподобно. – На полгода! И никто не поверит... Ирина Михайловна талдычит, мол, какая ты шустрая, почему не ты протокол на презентации ведешь... Юрист зачем-то вставил, как ты моментально и без претензий вопрос решила... Всем мозги запудрила... И никто, включая отца, не представляет, что ты исчадие ада!

– Ну, преувеличиваете, – спокойно признала я, но немного покраснела от заслуженной похвалы. – Я еще даже не разогналась.

Андрей Владимирович вдруг посмотрел на меня каким-то пьяным взглядом и почти простонал:

– Что мне делать, Тань? Мне ведь работать надо, а не за тобой следить... Я через полгода буду седой и с тремя инфарктами в анамнезе.

– Ой, да на это я уже и не надеюсь! Достаточно будет, если у вас хотя бы с эрекцией проблемы начнутся.

– Прости, с чем проблемы?

Он, кажется, решил, что ему послышалось. Встала, поправила блузку и, как самый ответственный секретарь, утешила начальника:

– Не волнуйтесь так, Андрей Владимирович! Выходные на носу. Отдохнете пару дней, сил наберетесь. А до понедельника я что-нибудь ядреное для вас придумаю. Или просто увольте – пощадите себя.

Выходила из кабинета под обнадеживающий стон и какие-то удары. Вот! Перевоспитательный процесс в самом разгаре – стучит там чем-то, переосмысливает сущность бытия. Можно подумать, тут только я исчадие ада, а они-с – чисто пострадавшая сторона!

Глава 6. Андрей

Она настолько отвратительна, что это даже прикольно. Я подобных дамочек только в фильмах юмористических видал, но ни одного до конца не досмотрел, потому и без понятия, она в счастливом финале должна зверски страдать или просто раствориться в закате. Последний вариант устраивал не слишком полно, но я бы обрадовался любому будущему, где ее нет.

Набрал Колю – договориться в выходные выбраться куда-нибудь, стресс снять. К счастью, друг мой тоже мог похвастаться полным вакуумом в личной жизни, то есть оставался самым лучшим, свободным, счастливым и легким на подъем напарником.

Но, глянув на дверь, скинул вызов. Паранойя услужливо подвернула картинку, как бестия с другой стороны жметя ухом и ловит каждое мое слово. Расслышит, конечно, о планах и обязательно явится туда, чтобы продолжать мне сворачивать кровь. И хоть фантазии эти сильно отдавали мистикой, я на всякий случай решил пообщаться с приятелем сообщениями – паранойя паранойей, но здоровое чувство самосохранения никто не отменял.

Убрал документы в стол. Презентация прошла успешно, но наверняка будет известно только на следующей неделе, когда возможные инвесторы начнут засылать сюда армии с

предложениями одно другого выгоднее. А пока можно и закончить – это не вечер пятницы, это самое настоящее освобождение из-под гнета захватчицы!

Но, когда вышел из кабинета, заметил, что мегера с кем-то болтает по телефону. У нее тоже, что ли, конец рабочего дня? И стоит ли вежливо прощаться при таких отношениях? Но она округлила глазки и затараторила в трубку – так, что я мог расслышать каждое слово:

– Все, Лен, до связи! А то он подслушивает!

Я, кажется, до сего момента был готов уже к чему угодно, но это было слишком:

– Кто подслушивает?! Я? Да я тут, как видишь, совершенно случайно тоже работаю!

– Угу, Лен. Слыхала, как орет? Я тебе при встрече еще не такое расскажу! Все, до завтра! – отложила телефон и уставилась на меня с совершенно невинным видом: – Андрей Владимирович, я вообще не про вас. Мнительный вы какой-то. Уже уходите?

Просто отмахнувшись, я направился к выходу. И в спину прозвучало совершенно издевательское:

– До понедельника, Андрей Владимирович! Хороших вам выходных!

Это нормально, что у меня глаз дергаться начал?

Решил на ужин завернуть к родителям. К тому же, разговорчик-то назревал и назревал. Если бы я сразу не отреагировал так эмоционально, то сейчас мои слова были бы услы-

шаны, но нет же – сам создал обстановку недоверия. Но ведь это не значит, что не нужно заранее вытаптывать поляну?

– Андрюша! – радостно оповестила мама, едва я только вошел. Она меня каким-то чувствительным местом ощущает, а иначе и не объяснишь ее прозорливость на мои визиты.

– Спасибо, Екатерина, – я передал горничной куртку, а лишь потом распахнул объятия: – Маман! Ты, как всегда, чудесна.

Так, без преувеличения, и было. Моя мать – шикарнейший представитель класса высокоблагородных дам. И она же олицетворение поговорки «Богатые тоже плачут»: раннюю катаракту пропустили, и никакие деньги уже не могли исправить ситуацию. Зрение она не потеряла полностью, но стала видеть намного хуже, только размытые световые пятна. Отец, отчего-то виня себя в ее болезни, решил супругу теперь утешать бесконечными путешествиями и новыми впечатлениями. Она не выглядела погрязшей в депрессию, однако и от предложений подобных не отказывалась – так и заявляла, что всю жизнь своего бизнесмена ждала, а вот теперь дождалась. И в уныние она впадать не собиралась, ведь другие чувства у нее обострились до шпионского максимума, иногда даже пугали:

– Ну-ка, подойди поближе, Андрей! По запаху чую, ты сюда прямо из офиса явился! Оскорбляешь мое тонкое обоняние многочасовым... эй, подожди, от тебя не только отсутствием душа несет. Чем-то еще не несет... странно. Где при-

вычный запах? Ты бросил пить кофе литрами?

– Пришлось. Временно.

– А почему хмуришься?

– Я не хмурюсь, мам.

– Я тебе не слепая! Отвечать немедленно! – фразу она закончила на довольно неприятной высокой ноте.

Я улыбнулся:

– Накормите, напоите, люди добрые, а потом допрос ведите.

Отец, к счастью, такими же наклонностями к допросам не обладал, потому просто радовался визиту сына. А я все ждал подходящего момента для разговора, но сам начинать не хотел. Однако отец оправдал ожидания:

– О, так и забыл спросить, как там Танечка? Уже приловчилась?

Эта приловчилась, лучше и не сформулируешь. Но эмоции не нужны, потому я ответил как можно спокойнее:

– Она очень старается, пап. Далеко не все получается, но делать выводы еще рано. В крайнем случае, найму себе еще одного помощника – вдвоем точно справятся.

Отец отличался проницательностью и сразу уловил тонкий намек:

– Считаешь, что я перегнул палку, а на самом деле Танечка безнадежна?

Ответил без улыбки или других лишних эмоций:

– Считаю, выводы делать еще рано. К сожалению, каждый

в офисе в курсе, что там она оказалась как твоя протеже – это не самая лучшая аура для новичка.

– Ничего, привыкнут! – начал злиться отец. – Как будто я каждый день кого-то в офис привожу.

Тема выбрана верно, ее и надо продолжать как можно миролюбивее:

– Не каждый. Но самой ей от этого не легче. Не удивлюсь, если она очень скоро сама изъявит желание уволиться.

– И ты винишь в этом меня? – отец прищурился.

– Да, – я выдержал его взгляд. – Люди не могут не обсуждать происходящее. Почему девушку с образованием бухгалтера не определить хотя бы в бухгалтерию? Зачем подчеркивать, что она твоя знакомая?

Он почему-то не ответил и сделал вид, что очень увлекся отбивной. Странно. Потому я повторил:

– Отец, почему бы мне не выделить ей место в бухгалтерии? Я понимаю, что ты хочешь отблагодарить ее отца, так ведь и я не против! Там нет вакансий, но я что-нибудь придумаю. И, возможно, Таня проявит все свои умения, если ее направить по специальности, – да что с ним такое? Делает вид, что не слышит? И оттого уже я начал злиться: – Отец! Я спрашиваю, почему твою эту Танечку в бухгалтерию не впендюрить?!

На этот раз вмешалась мама – главный дипломат во всех миссиях:

– Володя! В самом деле, не будь ребенком! Скажи уже как

есть!

Я обескураженно уставился на нее:

– А как есть?..

Она виновато улыбнулась, но, к радости, все же соизволила объяснить:

– Твой папа... нет, Андрюш, не только папа, но и я, считаем, что у тебя не самый гибкий характер. Хотелось бы, чтобы ты научился договариваться с любым подчиненным.

Мои брови поползли вверх – скачками по сантиметру от каждой новой мысли:

– А Танечка, – я это слово выделил, как ругательство, – тут при чем?.. Подожди, так ты сразу знал, что она из себя представляет, и потому ко мне отправил?!

– Не понял. А что она из себя представляет? – отец выглядел заинтересованным. – Я вот даже не удивлюсь, если ты прямо сейчас начнешь сочинять про нее небылицы. Да вот только я знаю эту девочку и в людях разбираюсь – она определенно женская версия собственного отца.

Наверное, я сильно промахнулся в предположении. Но каким же облегчением было бы узнать, что Таня не сама по себе такая, а по спецзаданию отца – вывести меня из себя и научить справляться с любыми стрессами. Но нет, дело оказалось в другом. Мама не выдержала и выдала:

– Хватит воевать с собственным ребенком, Володя! Говори как есть. Андрюш, отец не собирается контролировать каждый твой шаг. Но и хочет иметь чуть больше информа-

ции, как у тебя отношения с коллективом строятся. Потому и решил, что Таню можно рассматривать как наблюдателя из непосредственных боевых действий.

– Что?! – я не мог поверить ушам. – Она в офисе, чтобы следить за мной?

– То! – с вызовом ответил отец. – Это такая мягкая форма совсем незначительного контроля. Ты очень рано вынужден был стать руководителем, какие-то ошибки неизбежны, а я просто не хотел раздражать тебя пристальным вниманием. А тут, выходит, и волки сыты, и овцы целы. Сделай вид, что ничего не знаешь, но зато теперь понимаешь, что все твои претензии к бедной засланке я буду делить на десять.

На счет «целы» я бы не был так уверен, тем более, когда не определился, кто из нас волки, а кто овцы. Боевые действия идут полным ходом, потери понесли обе стороны. Но теперь как-то все логично и понятно вырисовывалось: почему отцу Танечка нужна была не в бухгалтерии, а непосредственно носом в моих делах, почему он даже слушать не хочет о ее недостатках. Уточнил осторожно, как если бы по минному полю пробирался:

– И много она тебе уже доложила?

– Пока ничего, – широко улыбнулся отец. – Я же говорю, что хорошо разбираюсь в людях. Девочка эта крайне ответственная, а со мной искренне общаться начнет, только испытывая ко мне бесконечную благодарность. Вот я ее уже и на работу устроил, и квартиру помог снять прямо рядом с

офисом. Как думаешь, она уже достаточно благодарна?

– Квартирку? – я только успевал выхватывать самое главное, а о блюдах вообще забыл. – Ты тут еще и агентом по недвижимости подрабатываешь?

– Да, – он выглядел довольным собой. – Надо инвестировать, чтобы получать дивиденды! В общем, ты просто води себя как обычно, а я на горизонте попытаюсь вообще не показываться. Видишь, как все выигрывают, включая тебя!

«Помог снять квартиру», «инвестировать», «бесконечная благодарность» – все это довольно легко связывалось в один пункт. Использовать в будущем или выяснить все прямо сейчас? Выбрал второе и, уверенно блефуя, обратился к матери:

– Мам, и ты в этом участвовала? Во сколько же вам обошлась покупка квартиры в центре города, чтобы ее потом под видом благодетелей сдавать?

– Я не участвовала! – громко воскликнула мать. – Но... квартиру сама выбирала... Чтобы там энергетика хорошая была! Георгий Константинович ни за что бы квартиру не взял, потому и приходится сдавать через третьих лиц... Зато Танечка уже должна быть очень нам благодарна за небольшую, но все-таки ощутимую помощь...

– Людмила! – опомнился отец, но было уже поздно – мама успела выдать все самое важное.

Она втянула голову в плечи и запричитала:

– А что такого? Андрюш, ты же не скажешь Тане о такой

маленькой лжи? Володя хотел породить в ней только благодарность, а не порывы праведной гордости. Поймет, сколько ради нее сделано, напряжется... и не факт, что не напряжется слишком сильно...

– Посмотрим, как вести себя будет, – заверил я, надеясь, что победоносный огонь не отразился в моих глазах. – А в недвижимость вкладываться – прекрасное дело. Перепишите квартирку на меня, и я забуду о мерзком шпионаже с вашей стороны.

– Зачем? – отец нахмурился, просчитывая все варианты. Как же повезло, что я не успел заранее обругать Таню!

– Затем, чтобы я сохранил ваш маленький секретик. И да, в следующий раз попробуйте продержаться интригу чуть дольше.

– Так это мать твоя! – раздраженно отозвался отец. – Все слила! Вот и разрабатывай с такими напарниками гениальные стратегии!

Выходил от них уже в приподнятом настроении, хотя пока и не знал, как это использовать. Итак, хитрая падла волею судеб оказалась на моем попечении – как ни крути, но это козырь, который будет разыгран в самый подходящий момент. А еще хитрая падла оказалась просто пешкой моих милейших родителей – она будет докладывать им обо всем, потому что на каждую хитрую падлу всегда найдется пара падл похитрее. И уволить ее сейчас возможностей еще меньше. Но все же легче играть, когда ты знаешь полный расклад, а твой

противник – нет.

В пятницу же вечером вернулся в офис в окружении профессионалов. Они установили скрытые камеры повсюду. Изображение передавалось не на пост охраны, а сохранялось в моем компьютере. Все пригодится! Каждый ее выверт теперь будет зафиксирован. Но нет, не для того, чтобы оправдать перед отцом ее увольнение – это слишком просто, когда вырос в такой семье махинаторов. Теперь мне нужна база для шантажа. «Танечка», конечно, будет передавать им информацию, но только такую, которую я одобрю. И язык прикусит. И работать будет как Георгий Константинович. Ей же так не хочется разочаровывать наших отцов – так пусть и не разочаровывает, а то они очень удивятся, в какого монстра этот ангелочек может воплощаться.

Ух, а жизнь заиграла новыми красками! Я победил, хотя она еще об этом не догадывается. А начать следует с дружеского визита. Зачем сидеть в каком-то клубе, если можно вместе с другом завалиться в свою же квартиру? Танечка должна каждой клеточкой тела прочувствовать, что от меня спасения нет. Пусть лучше у нее глаза дергаются!

– Домой к ней? Зачем? Соскучился? – хохотал Коля.

– Надо, Коля, надо! Испортить ей выходные, что может быть лучше для самооценки?

– Скандалить будем? Чур, покупка коньяка на тебе!

– По ситуации. Ты, главное, во всем подыгрывай. Устроим ей взятие Бастилии! Я у матери и ключи от квартиры отбил,

она явно теряет хватку!

– Рад знать, что ты и с больной матерью бесчеловечен. Это успокаивает!

– Не гунди! Ты со мной в одной лодке или в понедельник уволен? Видишь, я всегда даю право выбора. А ты вообще мой лучший друг, просто обязан поддерживать святую миссию по уничтожению злых сил под кодовым названием «Танечка».

– Точно, соскучился! Целых два дня без адреналина! Ладно, я в деле.

Отложив телефон, посмотрел в окно, попытался сдержаться, но потом позволил себе расхохотаться, как злодей в фильме ужасов.

Глава 7. Таня

Так, дело идет полным ходом, он очень скоро сдастся. Пусть Владимир Александрович покричит на него за мое увольнение, а лучше – ремня по попе даст. У некоторых ощущается жесткая нехватка в жизни ремня по попе!

На понедельник тоже уже были наметки: сделать тряпичную куклу в деловом костюмчике и с темными нитяными волосиками для сходства. И в каждую свободную минуту демонстративно втыкать в нее иголки. Вряд ли наш Андрей Владимирович слишком мнительный, но ради общей атмосферы сойдет. Интересно, а если от его пиджака отрезать кусочек ткани, то вдруг действительно сработает? Надо посмотреть в интернете. Не особенно хочется его именно убивать, но если начнет заикаться – прекрасно. Заикался бы он, когда ко мне в клубе в тот день подплыл, у меня были бы хоть паузы, чтобы задуматься над происходящим! Сколько таких же милых девушек, как я, не будут рыдать ночами и корить себя, если такие парни начнут заикаться!

Перевозка вещей в новую квартиру заняла не так много времени, ведь папа с подчеркнутым энтузиазмом мне помогал. Пиджак в пакете я предусмотрительно переложила своими вещами. Представления не имею, как бы я объяснила отцу такого странного поселенца.

И, едва я только вошла в свое новое жилье, сразу отме-

ла все сомнения. И правда, почему бы папе не пожить для себя, пока я тут буду жить для себя? Великолепно! До того момента просто не представляла, насколько шикарной окажется квартира – однокомнатная, но просторная, с дизайнерским ремонтом и в семи минутах ходьбы до офиса! Конечно, туда мне ходить придется недолго, но здесь все под рукой.

– Пап, всего пятнадцать тысяч в месяц? – уточнила недоверчиво, разглядывая множество мелких лампочек по периметру почти зеркального натяжного потолка.

– Ну да! – он тоже застыл на месте, шаркая носком по дорожному паркету. – Владимир Александрович помог с поисками! Представляешь, сколько у него знакомых в городе? Стоит только свистнуть, как самые лучшие варианты найдутся.

– Представляю, – отозвалась, не задумываясь.

Но обстановка потрясала. Я такие журнальные столики только в турецких фильмах видела – в тех, где показывают неприлично богатые семьи, насмехающиеся над бедняками. Вот только у них ножки мебели тон-в-тон гармонируют с цветом полок, а круглый палас с длинным ворсом выглядит настолько мягким, что хочется побыстрее выпроводить отца, упасть спиной и поваляться. Небольшая спальня отделена от гостиной только аркой, но и там было что рассмотреть. Захваченный из дома комплект постельного белья тут явно будет чувствовать себя чужим. Ящики из тумбы выдвигались с тихим и бархатным звуком, как если бы были сделаны не

из дерева, а какого-то полимера под видом дерева. Мечта, а не квартира! Однозначная мечта, хотя я о таком даже не мечтала!

Когда папа ушел, я начала бегать из кухни, перепрыгивая через изящный диван, в спальню, а потом обратно, счастливо при этом повизгивая. Потом опомнилась и обзвонила друзей, чтобы уточнить время новоселья. Не представляю, что с ними будет, когда они увидят подобное. Каждого предупредила, чтобы захватили что-нибудь из съестного и выпивки – наша обычная процедура со времен студенчества. А у меня пока на широкоформатные гуляния средств нет, пусть извиняют.

Разложила вещи и разместилась с чашкой какао на балконе, глядя, как вечерний город покрывается огоньками, как мурашками. И вдруг подумала, что на такое счастье ведь никогда не рассчитывала! А если я уволюсь, то будут ли знакомые Владимира Александровича продолжать сдавать мне это царское жилье? И найдется ли другая работа, чтобы я могла оплачивать аренду? Впервые со дня своего трудоустройства я всерьез задумалась о том, что некоторые вещи можно перетерпеть ради других некоторых вещей. Если перестану воевать, то и Андрей Владимирович рано или поздно перестанет! А секретарь из меня получится прекрасный, я уверена: работы не боюсь, гиперответственности в переизбытке, коммуникабельность и умение договариваться на высшем уровне. И босс это вынужден будет признать, было

бы мое на то желание. Зачем же судьба подвернула мне такой фортель? Не будь той позорной истории, сейчас все было бы по-другому! И до сих пор не могла определиться, смогу ли справиться со своей ненавистью. Пока решила действовать по обстоятельствам.

* * *

Вечеринка была назначена на пять, но гости начали собираться уже к трем – тоже студенческая традиция. Если заняться нечем, то почему бы и не явиться раньше времени? И ничего, что хозяйка еще в халате – выбегает из душа на настойчивый звонок и, ругаясь матом, открывает дверь:

– Марина? В пять же!

– Ничего, ничего, – успокоила подруга, вынимая из пакета какую-то запеканку, накрытую пленкой. – Я тут лучше подо...

Отодвинула меня, прошла, замерла и присвистнула.

– Хренасе, – выдохнула. – Ты кем, говоришь, устроилась?

– Секретарем, – довольно ответила я, наслаждаясь ее изумлением.

Но Марина вдруг отмерла и попыталась запихнуть принесенную еду обратно в пакет. Видимо, решила, что у меня такие доходы, что я всех тут ресторанной едой потчевать начну. Я подлетела и схватила противень с другой стороны, резко рванула и выхватила добычу.

– Спасибо! – сказала с угрозой. – Ты всегда вкусно готовишь, Мариш!

Она проводила взглядом творение рук своих, перемещаемое на стол, и протянула:

– А я в бухгалтерию крупной сети супермаркетов устроилась. Думала, как же мне повезло.

Пришлось ей вкратце расписать, что ни о каком сверхблагосостоянии моя квартирка не говорит, и Марину это заметно воодушевило.

Через пятнадцать минут снова звонок в дверь.

– Мишка?

Он насуплено поправил очки на носу и проковылял внутрь. Может, ему все-таки сказать, что иногда рубашку надо стирать?

– Хренасе... – прогундосил он. – Я у бабуленьки банку соленых огурцов выпросил, а теперь как-то неловко...

– Доставай свои огурцы! – потребовала я. – Неловко ему. Соленые огурцы еще ни одному застолью не помешали!

Не успела я захлопнуть дверь, как в проход занырнул Сашка. Вот точно специально выжидал, чтобы с Мишкой не заходить! Поправил очочки, брезгливо посмотрел на своего давнишнего конкурента, но потом в поле его зрения попал открывшийся кусок гостиной.

– Хренасе! Тань, это тебя за починку несломанного компьютера так премировали?

Теперь пришлось объяснять и ему, едва успевая откры-

вать и закрывать двери. В итоге вся компания собралась заранее и исключительно ради того, чтобы выдать абсолютно одинаковую реакцию, но с перерывами, чтобы мне пришлось повторять одно и то же для каждого. Ближе к пяти подошла только Лена – моя лучшая подруга. Но и она не подвела:

– Хренассе, Танюш! И ты ради таких хором не можешь перетерпеть не самый приятный характер начальника?

– А что там с начальником? – заинтересовалась Наташа.

– О-о! – протянула я предвкушающе. – А эту историю я оставляю на десерт!

Собралось у меня девять гостей – все учились или в моей группе, или в том же институте на параллели. Но сдружались мы этой компанией довольно давно: вроде бы все разные, но вместе всегда получалось просто и весело. А бесконечная вражда Мишки и Сашки – кто из двух лучших выпускников факультета программирования все-таки умнее – даже создавала особую атмосферу.

Разместили столик возле балконной двери, чтобы курящим недалеко от нас убежать. Да и так, вид из окна на город впечатлял. За выпивкой и кучей самых разнообразных закусок мы вперемешку рассказывали о своих делах, перебивая и подшучивая друг над другом. Многие уже устроились на работу, кто-то до сих пор пребывал в поисках, но никто не смог похвастаться тем, что достиг предела своих мечтаний. И это невероятным образом поднимало настроение и мне, придавало сил! Ведь действительно, мы совсем недавно окончили

институт, вся жизнь впереди, почти каждый сменит неоднократно место работы, а о конкретных стабильных результатах можно будет поговорить лет через десять.

– Так что там с начальником? – вспомнил покрасневшийся от выпитого Сашка. – Ты обещала мне еще тогда все объяснить!

– Когда – тогда? – нахмурился Мишка.

Сашка победоносно глянул на него:

– Когда Таня обратилась ко мне за срочной помощью, конечно. По телефону ее консультировал, все проблемы решил!

– Почему не мне позвонила? – насупился Мишка. – Мне как раз в последнее время заняться нечем.

– Так понятно же почему! – Сашка добивал конкурента беспощадным сарказмом.

Строго говоря, Сашка был выбран из двоих только по одной причине – он в телефонной книжке записан первым. Но вряд ли об этом стоит говорить – если только потом, тихонько и одному Мишке. Потому я решила резко сменить тему и увлечь всех рассказом о моих офисных баталиях.

Друзья предсказуемо смеялись и даже накидывали советов, как побыстрее довести Андрея Владимировича. Вот только Мишка нахмурился, чем удивил. Он, наверное, просто представить не смог, как красиво выглядело вырезанное на рубашке сердечко. Но на мой взгляд он не ответил, а обернулся в сторону прихожей:

– Ты еще кого-то ждешь?

– Нет, – удивилась я.

– Показалось, наверное. Ладно, я важное пропустил – а с какого перепуга ты этого своего босса так невзлюбила?

– Вот-вот, – подхватила и Лена. – Я давно этим интересуюсь. Ну неужели только потому, что он на работу брать тебя не хотел?

И этот вопрос подхватила вся компания, неожиданно переметнувшись со стороны хохотунов на сторону аналитиков. Само собой, предысторию я им раскрывать не собиралась, потому и сгущала краски:

– Вы просто не понимаете, если не встречали такой вид людей! Самовлюбленные, эгоистичные, привыкшие, чтобы перед ними все стелились! Не выношу просто!

– Учись бороться с личной неприязнью! – Лена улыбалась. – Он, может, тоже к тебе подстроиться не может, если ты ему постоянно подянки устраиваешь!

– Скажешь тоже! – праведно возмущалась я. – Этот урод, быть может, впервые в жизни встретил человека, который ему противостоит! Пусть благодарит за ценные жизненные уроки. Или увольняет.

– Глупо, – вздохнула Наташа. – Среди больших начальников хороших людей и не бывает. Ты или принимаешь это как факт, или собственный бизнес организовываешь. Третьего не дано!

Сашка оживился:

– Именно поэтому я и не устраиваюсь на работу! Лучше работать на себя, чем на этих зазнавшихся гадов! Должна же быть какая-то гордость в человеке!

Ну, после этого душевного признания все закономерно и с диким смехом переключились на бедолагу. Марина с Пашей наперебой подкалывали программиста:

– Так вот ты почему из дома не выходишь? Это бизнес такой?

– А родители твои как к твоему бизнесу относятся?

– Отбоя от клиентуры, наверное, нет?

– Тихо! – неожиданно перебил Мишка.

Все недоуменно уставились на него – неужели он впервые в жизни встал на сторону вечного противника? Но Мишка поднялся и направился в прихожую, на ходу сообщая:

– У меня глюки, или там кто-то шарится?

Глюки у него вполне могли быть – от хронической нехватки свежего воздуха, но все спонтанно потянулись за ним, и я быстрее всех. Но Мишка, выйдя в прихожую, вдруг замер, я натолкнулась на него, и увидев, тоже замерла...

Не глюки. В моей прихожей стоял посторонний! Сердце от страха чуть горло не пробило, но осознание опередило:

– Ни... Николай Николаевич?..

Перед нами действительно стоял экономист из нашего офиса! Не меньше нас растерянный и какой-то болезненно бледный. Он с видимым усилием округлил глаза и закричал:

– Таня?!

– Таня, – заторможенно подтвердила я, пока все мои друзья пытались хоть что-то понять.

Но Николай Николаевич вдруг улыбнулся, хотя бледность на лице все равно бросалась в глаза.

– Таня! Ну ничего себе! Вот это неожиданность!

– Я могу сказать то же самое... Вы как тут оказались? Откуда у вас ключи?!

Он приходил в себя – глаза бегать перестали, а улыбочка теперь была похожа на улыбку, а не растянутые в гримасе губы. И говорил все быстрее и увереннее:

– Так я живу в этом же доме! Иду, вижу – дверь открыта, дай, думаю, хозяевам скажу – у вас дверь открыта! Не способен я мимо пройти, когда у людей проблемы могут возникнуть. А тут ты!

– Дверь была закрыта! – уверенно ответила я.

– Нет! – он глянул с угрозой.

– Да!

– Тогда как я вошел? – он прищурился.

На это ответить было нечего. Я растерялась:

– Так вы в этом же доме живете? А я ведь не знала! То же снимаете? А, поняла! Вам, как и мне, Владимир Александрович помог с арендой?

Он вдруг хитро улыбнулся и ответил почему-то очень громко, как если бы обращался к шкафу, а у шкафа был не слишком хороший слух:

– Зачем же Владимир Александрович? Андрей Владими-

рович! И не снимаю, а получил от предприятия, как ценный сотрудник! Сам этот дом выбрал – новый, в центре, до офиса несколько минут. Думал, что мне и однокомнатной хватит, но босс и слушать не хотел. Беру, говорит, двух... нет, трехкомнатную тебе! Да что вы, – отвечаю я. Неудобно как-то, я ведь простой экономист! А Андрей Владимирович мне и говорит: я тебе еще и на ремонт денег выделю, потому что прям очень рад, что ты на меня работаешь и все такое!

Николай Николаевич, вероятно, очень радовался этому факту, поскольку едва сдерживал смех. Надо же, какое совпадение! Я взяла себя в руки – приятный человек ведь, вот и отлично, что мы соседями оказались.

– Да вы проходите, проходите, у меня тут новоселье, – опомнилась я. – А потом и к вам заглянем, раз такие дела! Вы на каком этаже?

Он уже скидывал ботинки, постоянно косясь на шкаф:

– С большим удовольствием, Танечка! Только зовите меня Колей и без официоза, терпеть его не могу. А ко мне мы сегодня не заглянем, ремонт там. Вот как ремонт закончится, так сразу и заглянем!

Мне слишком близко раньше с ним не приходилось общаться, но Коля быстро вписался в коллектив, и уже через полчаса хохотал вместе с остальными:

– Ничего она не преувеличивает! Вы просто нашего Андрея Владимировича не видели! Если оно работает, то все вокруг обязаны сидеть до последнего! Знаете, за что он про-

шлую секретаршу уволил? А она посмела в шесть часов домой уйти, когда у нас аврал с договором был. Нет, я понимаю, экстренная ситуация, а у нее ребенок маленький. Так Галина на следующий день перед ним плачет, просит дать ей еще шанс. А он так глянул сверху вниз и припечатал: «Мне такой секретарь не нужен, падла ты фертильная. Радуйся, теперь будешь сидеть со своим дитём круглосуточно. Муахаха!».

– Неужели так и сказал? – охнула Марина. – Теперь понятно, почему наша Танечка его сразу невзлюбила.

– А то! – воскликнула я победоносно, радуясь, что электорат снова на моей стороне. Потому и саму несло на некоторые преувеличения: – А рожа-то у него какая! Смазливая, самодовольная, фу-у! Ненавижу таких мужиков! Вот собрал бы всех таких и выслала на необитаемый остров, чтоб хорошим людям жить не мешали!

Коля смеялся:

– Не перегибай! Кто бы мне квартиру в новой элитке купил, если бы ты его выслала? Да и не такой уж он и ужасный, – и вдруг снова громче, у него вообще странная манера речи – то спокойно говорит, то как заорет: – Хороший, говорю, начальник! С людьми, правда, не особенно умеет, но научится!

– Если мы научим, – согласилась я. – За это и выпьем – за очеловечивание!

– За очеловечивание! – поддержала компания.

Великолепные посиделки становились все более великолепными. Так мы скоро и до танцев созреем. Жаль, что у Коля ремонт – в трешке нам было бы куда больше места для веселья. Он клятвенно заверял, что как закончит, обязательно устроит новоселье у себя, а каждый присутствующий заочно приглашен. Я же вспомнила о важном:

– А на каком этаже-то? Я в первый раз не услышала!

Колю от ответа отвлек настырный телефон. Он только взглянул на дисплей и начал улыбаться еще шире, чем раньше. Отошел от стола, но я и по интонации слышала, что ему стоит немалых трудов, чтобы не смеяться:

– Да, Андрей Владимирович. Понимаю. Нет, конечно, вам показалось. Минут десять максимум. Проявите терпение, Андрей Владимирович. Да не задохнетесь вы! Таких, как вы, запросто не уворишь. В смысле, десять минут. Я же сказал.

– Он тебе и в выходные названивает? – яростно возмущалась Марина. – Тиран и деспот!

Коля наклонился ко мне и сообщил тихо:

– Я к себе ненадолго сбегаю и вернусь, хорошо? Отчет надо срочно выслать.

– Возвращайся обязательно! – кричала подвыпившая Лена. – И мы вместе придумаем, как вас обоих от этой тирании спасти!

– Меня спасать не надо, – отмахнулся Николай. – Меня вообще все устраивает. Особенно моя новая квартира... Все, сидите, я быстро. Дверь захлопывать не буду.

Ну, раз он сюда проникнуть смог почти незаметно, то и с этим справится. Я не стала подниматься из-за стола, чтобы его проводить. Вот ведь здорово вышло, когда такой замечательный, легкий и веселый человек оказался и сослуживцем, и соседом! Теперь хоть будет с кем обсудить начальственные выверты, если прижмет. Коля в прихожей только замешкался – наверное, ботинки свои найти сразу не смог в той обувной выставке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.